ДУХОБОРЦЫ И МОЛОКАНЕ

ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ.

ШИИТЫ

ВЪ КАРАБАХѢ.

БАТЧИ и ОПІУМОѢДЫ

ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

ОБЕРЪ-АМЕРГАУ

ВЪ ГОРАХЪ БАВАРІИ.

РАЗСКАЗЫ

художника В. В. Верещагина.

СЪ РИСУНКАМИ.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества **И. Н. Кушнеревъ и К°.**
Пименовская улица, собственный домъ.
1900.

Дозволено цензурою. Москва, 13 мая 1900 года.

Духоборцы.

Съ высокаго хребта открылась предъ нами долина, въ которой расположена духоборческая деревня Славянка. Немного далѣе, за ближними горами, какъ мнѣ объяснили, есть еще нѣсколько деревень этихъ же сектаторовъ, но тѣхъ мнѣ не удалось видѣть. Скоро повстрѣчались и сами духоборцы: большой гурьбой возвращались они съ ближняго сѣнокоса домой, съ косами и граблями на плечахъ. Одѣты въ бѣлыя рубашки, заложенныя въ широкія шаровары— по-солдатски, на головахъ картузы съ большими козырями. Толпа смотрѣла весело, слышны были говоръ и смѣхъ. Проѣзжему всѣ вѣжливо приподняли шапки.

Деревня Славянка лежитъ въ лощинѣ, при быстромъ горномъ ручьѣ, текущемъ въ Куру; до Елисаветполя (Ганжи) отсюда будетъ верстъ 60 съ лишечкомъ. Кругомъ горы, почти лишенныя растительности, но въ самомъ селеніи много зелени и деревьевъ. Въ деревнѣ теперь считается 205 домовъ и до 600 душъ мужескаго пола.

Духоборцы вышли сюда или, лучше сказать, были выселены изъ Таврической губерніи, куда, въ свою очередь, ихъ переселили въ 20-хъ годахъ изъ внутреннихъ губерній. Многіе старики хорошо помнятъ еще родныя мѣста въ старой Россіи, въ Тамбовской, Саратовской и др. губерніяхъ. Первая партія пришла въ 1840 году, другія нѣсколько позже. Сначала было имъ здѣсь довольно тяжело: пришлось на первое время селиться у сосѣднихъ армянъ и татаръ, которые обращались съ ними очень немилостиво, безъ церемоній грабили ихъ и даже рѣзали. Строиться было трудно, лѣсу вблизи нѣтъ, и провозъ его по горнымъ тропамъ очень затруднителенъ; многіе тогда возвратились въ православіе и вернулись въ Россію.

Кое-какъ, впрочемъ, оставшіеся оправлялись понемногу, и теперь, т.-е. черезъ 25 лѣтъ, духоборческія поселенія въ числѣ, если не ошибаюсь, четырехъ деревень выстроились и обставились отлично, на зависть всѣмъ окрестнымъ туземцамъ.

Очень строго преслѣдовали ихъ толкъ, стараясь препятствовать распространенію его; въ этихъ-то видахъ духоборцы были выселены сначала въ Таврію, а потомъ въ еще болѣе глухое мѣсто, въ горы Закавказскаго края. Императоръ Александръ I посѣщалъ ихъ еще въ Таврической губерніи, присутствовалъ при моленіи и своимъ милостивымъ обра-

щеніемъ не только оставилъ по себѣ добрую память между сектаторами, но и улучшилъ ихъ крайне не-

Духоборецъ.

завидное тогда гражданское положеніе. «Только со времени его посѣщенія», говорятъ духоборцы, «ста-

ли смотрѣть на насъ, какъ на людей: и скотинку погонишь въ городъ, и что другое продашь или купишь; а то прежде купецъ или кто другой, первымъ дѣломъ, начнетъ ругаться передъ тобой: нехристи, да такіе, сякіе... просто хоть и не показывайся никуда». Вообще можно замѣтить, что прежнія гоненія и оскорбленія еще очень памятны имъ, такъ что, несмотря на лучшія времена, охотниковъ на переселеніе назадъ въ Россію между духоборцами найдется, вѣроятно, не много.

Основная религіозная идея духоборцевъ можетъ быть выражена въ нѣсколькихъ словахъ. Единый Богъ въ трехъ лицахъ: Отецъ Богъ—память, Сынъ Богъ—разумъ, Духъ Св. Богъ—воля, Богъ—троица едина. Никакихъ *писаній* они не имѣютъ; не признаютъ ни евангелія, ни библіи, ни книгъ св. отцовъ православной церкви; все это, говорятъ они, написано человѣками, а все, что отъ человѣка — несовершенно. Понятіе о Христѣ чрезвычайно сбивчивое: вмѣстѣ съ смутнымъ признаніемъ его, какъ Богочеловѣка, полнѣйшеее отсутствіе понятія о томъ, какъ онъ жилъ и за что страдалъ. Понятіе о Христѣ ограничивается тѣмъ, что сказано о Немъ въ ихъ такъ-называемыхъ *Давыдовыхъ псалмахъ.* Эти псалмы — единственныя молитвы, общеупотребительныя у духоборцевъ; на сколько они Давыдовы, т.-е. насколько могутъ быть приписаны пророку Давыду, который пользуется у

нихъ большимъ уваженіемъ, можно судить по тѣмъ образцамъ, которые у меня есть, но которые неудобны для печати. Можетъ быть, въ первое время образованія толка молитвы эти имѣли болѣе смысла, но такъ какъ онѣ передавались и теперь передаются въ семействахъ, отъ отца къ сыну, *только устно*, то и неудивительно, что, при совершенной безграмотности народа, многія слова и цѣлыя фразы искажены и обезсмыслены до смѣшного. Духоборцы же увѣрены, что каждое слово этихъ псалмовъ идетъ по преданію отъ устъ самого псалмопѣвца.

Недовѣріе, или, даже вѣрнѣе будетъ сказать, отвращеніе, ко всякимъ *писаніямъ* доводитъ ихъ иногда до безсмыслицъ въ родѣ слѣдующей. Вмѣстѣ съ пророкомъ Давыдомъ три ветхозавѣтныя личности пользуются у нихъ большимъ почетомъ: это — Ананія, Азарія и Мисаилъ, и почему же?—потому что *они достояли при крестѣ до конца*: «на что ужъ апостолъ Петръ былъ близокъ ко Христу», толкуютъ духоборцы, «и тотъ отрекся отъ него, а они выдержали». На замѣчаніе мое, что, живя гораздо ранѣе Христа, они не могли присутствовать при его страданіяхъ—отвѣчаютъ, что «не ихъ дѣло разсуждать объ этомъ, *довольно вѣрить тому, что передано отъ отцовъ*». Смыслъ повѣрія понятенъ, но въ хронологіи, повторяю, безсмыслица.

— Не извѣстны ли вамъ,—говорю я нѣсколькимъ старичкамъ, бесѣдовавшимъ со мною:—кромѣ Давыда, и другіе ветхозавѣтные пророки, также много предсказывавшіе о Христѣ, какъ, напримѣръ, Исаія...

— Какой это, батюшка, Исай,—перебиваютъ меня:—это что Авраамъ, Исай, Іаковъ-то?.. Гдѣ же ихъ знать, и много ихъ всѣхъ, да и давно они очень жили.

О святыхъ, почитаемыхъ греческою церковью, отзываются, что это были, можетъ быть, очень добрые люди—и только.

Догматъ почитанія властей, вслѣдствіе практической необходимости, начинаетъ входить у нихъ въ силу и, съ другой стороны, утрачиваетъ значеніе любимый догматъ духоборца:

... Не убоюся
На Бога сположуся.

По поводу этого стиха припоминаю смѣшной случай. Какъ-то въ воскресенье, справляемое у духоборцевъ съ водкою и гульбою, пьяный отставной солдатъ (которыхъ много между этими сектаторами) крѣпко ругался подъ моимъ окномъ; я послалъ бывшаго со мною провожатаго, казака, попросить его уйти съ бранью куда-нибудь въ другое мѣсто. Смотрю въ окно и вижу, что казакъ принялся усовѣщивать:

— Что ты это вздумалъ тутъ ругаться, развѣ не видишь, здѣсь остановился проѣзжій чиновникъ, вѣдь не хорошо...

Пьянчужка мой презрительно посмотрѣлъ на посланнаго, подбоченился и пропѣлъ ему въ отвѣтъ:

Я тебя не убоюся,
А на Бога сположуся!

Казакъ махнулъ рукой и воротился ко мнѣ огорченный.

— Ничего съ нимъ, ваше благородіе, не сговоришь, грубіянъ, извѣстно—пьяный человѣкъ...

«Царя мы почитаемъ,—говорятъ духоборцы,—это на насъ пустое взвели, что мы власть не чтимъ; царя нельзя не почитать, только-что отцемъ его, какъ православные, не называемъ».

Разскажу о богослуженіи духоборцевъ, крайне простомъ и не сложномъ.

Въ воскресенье провели меня въ избу, назначенную для собраній. Очень чистая, обыкновенная крестьянская горница, просторная, но низкая, съ большою русскою печью и увѣшанная красивыми полотенцами, биткомъ набита народомъ. Мужчины съ одной стороны, женки съ другой; постарше лѣтами сидятъ на лавкахъ, остальные стоятъ. Начинаютъ поочередно читать молитвы; если кто ошибется, его тотчасъ же поправляютъ:

— Не такъ ты говоришь!

— Какъ не такъ, какъ же еще?

— А вотъ какъ... и, въ свою очередь, ошибается—опять со всѣхъ сторонъ раздаются поправки. Я

замѣтилъ, что ошибаются больше мужчины, женщины знаютъ молитвы (псалмы тоже), тверже и поправки идутъ больше съ ихъ стороны. Чтеніе молитвъ продолжается довольно долго, пока не истощится весь запасъ ихъ или, что бываетъ въ тяжелую рабочую пору, пока не начнетъ сказываться въ присутствующихъ усталость, послышатся съ угловъ и укромныхъ мѣстечекъ всхрапыванія. Тогда кто-нибудь приглашаетъ собраніе перейти къ пѣнію:

— А что, господа, тяжко (душно) что-то, не выдти ли на дворъ попѣть-то?

Всѣ отправляются на дворъ, гдѣ опять мужчины становятся въ одну сторону, женщины въ другую. Обычай становиться мужчинамъ и женщинамъ однимъ противъ другихъ строго соблюдается. Этимъ исполняется заповѣдь: *имѣть передъ собою во время молитвы образъ Божій.*

Поютъ также долго, на одинъ и тотъ же заунывный и такой грустный напѣвъ, что непривычному тоскливо сдѣлается: вспоминается что-то родное, далекое... Волга и бурлаки съ ихъ пѣсней, подобною стону... Впереди мужчинъ всегда стоитъ запѣвало, который и начинаетъ *выпѣваніе* каждаго псалма.

Въ деревнѣ Славянкѣ исправлялъ эту почетную должность пренаивный старичокъ, часто приходившій ко мнѣ бесѣдовать и всегда не съ пустыми руками: то съ сотовымъ медомъ, то съ свѣжими огурчиками,

за что, впрочемъ, не упускалъ случая упрятывать въ карманъ добрую горсточку папиросъ, которыми послѣ, какъ мнѣ сказывали, похвалялся передъ сосѣдями: «чиновникъ это меня все потчуетъ—уважаетъ».

Мнѣ онъ нѣсколько разъ тонко намекалъ на важность исполняемой имъ обязанности: «Поди ты, вотъ другому, хоть что хошь, не *зачать* псаломчика — это ужъ въ кого что Господь вложитъ...» Только запѣвало и, можетъ быть, еще нѣсколько человѣкъ при пѣніи слѣдятъ за словами, остальные же просто вторятъ *воемъ*.

Передъ окончаніемъ богослуженія становятся полукругомъ и начинаютъ кланяться и цѣловаться другъ съ другомъ; мужчины обходятъ поочередно всѣхъ мужчинъ, женщины—женщинъ. Взявшись за правыя руки и поклонившись одинъ другому два раза, цѣлуются, затѣмъ еще два раза кланяются; послѣдній поклонъ, особенно низкій, обращенъ со стороны мужчинъ къ женщинамъ и къ мужчинамъ—съ женской стороны. Поклоны отвѣшиваются какъ-то очень неуклюже и немного въ сторону. Каждый обойдетъ непремѣнно всю присутствующую братію, не исключая и подростковъ. Очень маленькихъ дѣтей мнѣ не случалось видѣть на молитвахъ. Во все время церемоніи поклоновъ пѣніе не прерывается. По окончаніи ея — шабашъ, шапки на голову и по домамъ.

Я записывалъ ихъ псалмы буквально, со словъ старыхъ и молодыхъ; тѣ и другіе, старики же въ особенности, плохо понимаютъ, что они говорятъ; зазубривая слова наизусть, они часто не понимаютъ ихъ смысла, и когда я спрашивалъ объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ, старички отвѣчали большею частью такъ: «Кто жъ его знаетъ, премудрость Божія, не достигнешь всего этого», или «Богъ его знаетъ, я этого не знаю, такъ родители наши читывали, такъ и мы читаемъ; такъ маленькихъ пріучили—Господь знаетъ, что тамъ къ чему». Случалось получать и объясненія, но по большей части очень темныя; видно было, что сходство въ выговорѣ словъ и выраженій фразъ принималось за сходство въ смыслѣ. Стоитъ читающему забыть одно слово псалма—онъ тотчасъ сбивается и начинаетъ сначала.

Случится, что бравый духоборецъ выпуститъ изъ середины добрую часть молитвы и догадается объ этомъ только тогда, когда окончитъ. Подумаетъ, подумаетъ да и говоритъ: «должно, пропустилъ я чего-нибудь, потому ужъ очень скоро конецъ пришелъ».

Иногда же спохватится во-время: «нѣтъ, нѣтъ, что-то не такъ; нутка почитайте, что тамъ у васъ записано?» Я читаю:.. «и причащаемся мы ко святымъ его тайнамъ, божественнымъ, страшнымъ, животворящимъ»... «Ну, ну, такъ; еще теперь пиши Христовымъ»—и потомъ начнетъ припоминать весь

запасъ книжныхъ словъ и бормотать про себя:—Божественнымъ, страшнымъ, животворящимъ, Христовымъ... Божественнымъ, страшнымъ, животворящимъ... Ну, пиши еще безсмертнымъ»...

— Охъ! какъ теперь дальше-то, не забыть бы чего... Ну-ка, почитай-ка же еще сначала... и т. д.

При общественныхъ молитвахъ этого, разумѣется, не случается, потому что ошибка сейчасъ поправится нѣсколькими голосами.

Молятся не только по воскресеньямъ, но и по буднямъ поздно вечеромъ, послѣ работъ, въ особенности по субботамъ.

Нельзя не удивляться, что духоборцы, съ ихъ здравымъ житейскимъ смысломъ, приписываютъ составленіе своихъ псалмовъ пророку Давыду, когда содержаніе большей части ихъ ясно указываетъ на время и обстоятельства, сопровождавшія образованіе и развитіе ихъ толка.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ молитвъ, или псалмовъ, представляющая родъ катихизиса духоборскаго вѣроученія; повторяю, что я записывалъ ее слово въ слово:

«Иже духомъ Богу служимъ, хвалимся мы о Христѣ Іисусѣ; духа забрали, отъ духа беремъ, духомъ и бодрствуемъ. Вѣруемъ мы во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца, который намъ сотворилъ небо и землю и бѣлый свѣтъ открылъ, въ Того мы и вѣ

руемъ. Окрещаемся *) мы во имя Отца и Сына и Св. Духа. Молимся мы Богу духомъ, духомъ истиннымъ и Богу истинному; гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ, гласомъ моимъ ко Господу помолюся. Исповѣдаемся Бога небеснаго, яко благъ Господь, во вѣкъ милость его, понеже всѣ согрѣшенія оставляемъ и причащаемся мы ко святымъ Его тайнамъ божественнымъ, страшнымъ, животворящимъ, Христовымъ, безсмертнымъ во оставленіе грѣховъ. Ходимъ мы въ церковь въ Божію, во единую святую, соборную, апостольскую, гдѣ есть собраніе истинныхъ христіанъ. Священника мы имѣемъ праведнаго, преподобнаго, не ложнаго, не злобнаго, который отлученъ отъ грѣшника. Богородицу мы именуемъ и почитаемъ, изъ ней же народился Іисусъ Христосъ на потребленіе грѣховъ Адамовыхъ. Святыхъ угодниковъ почитаемъ и подражаемъ стопамъ ихъ **). Кланяемся мы образу Божію—неоцѣненный образъ Божій, ликъ небесный поетъ и глаголетъ. Иконы истинныя и естественныя, непремѣрныя къ хартерамъ ***) со его же обчества, показуетъ Сынъ Отца, Св. Духа. «Царя почитаемъ, спаси Господи Царя, услыши

*) Видимаго крещенія, такъ же какъ и прочихъ таинствъ, у духоборцевъ нѣтъ. Вообще вѣроученіе ихъ лишено всякихъ обрядностей, чѣмъ они отличаются отъ сектаторовъ другихъ толковъ.

**) Тутъ кстати замѣчу, что многое изъ высказываемаго здѣсь противорѣчитъ разговорнымъ рѣчамъ духоборцевъ.

***) Вѣроятно, *непохожія на картины.*

насъ. Имѣемъ мы постъ — воздержаніе въ мысляхъ. Содержи меня отъ всего зла, отъ устъ роптанія, отъ рукъ убіенія, отъ всякаго зла воздержанія, отыми у меня всю неправду. Имѣемъ мы бракъ, дѣло вѣчное блаженство, въ томъ мы себя и утверждаемъ. Въ рукотворенную церкву ходить не желаемъ; написаннымъ образамъ не кланяемся, и мы въ нихъ святости не чаемъ и спасенія не заключаемъ; потому мы на себя рукъ не воскладаемъ, а мы прибѣгаемъ къ слову Божіему, кресту животворящему—и Богу нашему слава».

Записавъ каждый изъ приведенныхъ псалмовъ, по словамъ одного духоборца, я перечитывалъ его буква въ букву многимъ другимъ, чтобы узнать, не будетъ ли съ ихъ стороны поправокъ; за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ измѣненій и добавокъ нѣсколькихъ пропущенныхъ словъ все остальное признано было вѣрнымъ и согласнымъ съ сохранившимся въ памяти ихъ преданіемъ.

Тѣ же духоборцы, которые славятъ Бога и свою вѣру по страннымъ и подчасъ дикимъ псалмамъ, живутъ честно, разумно и зажиточно. Правда, что эти качества присущи и другимъ загнаннымъ и забитымъ религіознымъ обществамъ, каковы, напримѣръ, секты молоканъ, субботниковъ и скопцовъ въ Закавказскомъ краѣ.

Но я, познакомившись съ молоканами и духобор-

цами, ставлю послѣднихъ далеко выше первыхъ, въ нравственномъ отношеніи.

У молоканъ, напримѣръ, запретъ на вино и на табакъ, и наружно они не пьютъ, не курятъ, но зато втихомолку не откажутся отъ запретнаго плода. У духоборцевъ этого нѣтъ: они открыто пьютъ и курятъ и даже сами разводятъ махорку. Молоканъ при случаѣ не прочь надуть или даже украсть, у духоборцевъ случаи того и другого такъ рѣдки, что всѣ наперечетъ. Замѣчательно, что духоборцы считаютъ молоканъ отщепенцами своей вѣры, а молокане увѣряютъ, что духоборцы отстали отъ нихъ, и это послѣднее вѣроятнѣе.

Теперь оба толка ненавидятъ одинъ другой: «Безбожники хуже псовъ», отзываются молокане о духоборцахъ. — «Развѣ это люди?» говорятъ, въ свою очередь, духоборцы о молоканахъ.

Относительно моего пріѣзда и занятій, напримѣръ, духоборцы были гораздо менѣе подозрительны, чѣмъ молокане; эти послѣдніе такъ, кажется, и остались увѣрены, что мое пребываніе у нихъ имѣло цѣлью тайные розыски и въ перспективѣ ссылку на Амуръ. Правда, и духоборцы не вдругъ разговорились: «Вотъ вы насъ спрашиваете объ томъ да объ другомъ», говорилъ мнѣ одинъ старикашка, «а мы еще не знаемъ, кто вы такіе».

— Да тебѣ зачѣмъ это знать?

— Какъ зачѣмъ? не знаемъ, что можно вамъ говорить и что нѣтъ. Чиновники вы или нѣтъ, благородный или высокоблагородный — будемъ знать, какъ величать васъ?

Я объяснялъ, на сколько могъ вразумительно, что просто, мимоѣздомъ, заѣхалъ посмотрѣть, какъ живутъ русскіе люди между татарами и армянами.

— Вы заперты въ горахъ, у васъ мало кто бываетъ, да и сами вы рѣдко выходите изъ своихъ мѣстъ, такъ объ васъ ходятъ разные слухи, не знаешь, чему и вѣрить; мнѣ захотѣлось узнать, сколько правды въ томъ, что объ васъ разсказываютъ.

Нѣкоторые, повидимому, проникались этими доводами и одобрительно качали головами.

«Такъ, такъ, это точно, что разсказываютъ объ насъ много вздорнаго».

Нашлись даже такіе политики, что благодарили меня за честь, которую я имъ дѣлаю своими разспросами.

Какъ я уже говорилъ прежде, ни книгъ, ничего писаннаго у духоборцевъ нѣтъ: старики и сами не знаютъ грамоты, и дѣтей своихъ не учатъ—считаютъ это занятіе излишнимъ для мужика. Исключеніе составляютъ только занимающіе должности писцовъ при сельскихъ управленіяхъ—это, по большей части, грамотеи изъ отставныхъ солдатъ. Только узнавъ о такомъ организованномъ невѣжествѣ, по-

нялъ я, что не шутилъ старичокъ, просившій меня сдѣлать милость сосчитать, сколько ему будетъ лѣтъ теперь, если онъ въ 1822 году шелъ съ отцомъ въ Таврію изъ Тамбовской губерніи мальчишкою 14 лѣтъ: «Давно,—говоритъ,—хотѣлъ я объ этомъ узнать, да и все не у кого было спросить». Этотъ же пріятель, узнавъ, что я поѣздилъ по бѣлу-свѣту, добивался узнать, гдѣ именно солнышко садится?

«Такъ-таки и нѣту такого мѣста, гдѣ солнышко садится», переспрашивалъ онъ потомъ еще нѣсколько разъ.

Откуда духоборцы взяли свой нарядъ? говорю о мужчинахъ. Когда я спрашивалъ у нихъ объ этомъ, они отвѣчали, что это «платье настоящее россійское», но именно въ настоящей-то Россіи его и нельзя встрѣтить. Еще широкія, длинныя шаровары туда-сюда, но откуда перенять коротенькій, на манеръ солдатскихъ, архалукъ со стоячимъ воротникомъ, застегивающимся на груди крючками внутрь,— прямо казацкій, съ Дона, нарядъ? Всѣ безъ исключенія носятъ этотъ архалукъ. Женщины одѣты въ обыкновенное русское платье и, при этомъ, волосы у нихъ закрыты платкомъ или кускомъ матеріи, свернутымъ наподобіе сахарной головы, со свѣсившимися назадъ концами. Дома у духоборцевъ совершенно тѣ же, что и во всей южной Россіи: снаружи рѣзьба, полотенца, коньки со всадниками, пѣтушки и т. п. украшенія.

Внутри дома чрезвычайно опрятны, стѣны чисто выбѣлены и иногда позавѣшаны, чѣмъ Богъ послалъ:

Духоборка.

полотенцами, узорными бумажками, лубочными картинками и др. въ этомъ родѣ.

Телѣги, напримѣръ, совершенно такія, какія мнѣ случалось видѣть въ восточной Пруссіи: очень большія дроги, обставленныя со всѣхъ сторонъ наклоненными наружу перилами. Въ такую телѣгу усядутся 20 человѣкъ, и еще останется мѣсто для двадцать перваго.

Въ деревнѣ много ульевъ и хорошій хозяинъ продаетъ въ годъ рублей на сто меду; кромѣ того, продаютъ нитки и полотна, и почти всегда, а въ урожайные годы въ особенности,—картофель и хлѣбъ.

Почва земли хотя немного и каменистая, но плодородная. Сѣютъ рожь, и она даетъ самъ-десять и самъ-пятнадцать; пшеница идетъ похуже ржи, такъ же, какъ и ячмень; гречиха родится хорошо, просо опять похуже; сѣютъ полбу, и родится хорошо; изъ конопли работаютъ масло и ѣдятъ его, и продаютъ, а картошкой и льномъ не нахвалятся.

На 205 дымовъ у духоборцевъ въ деревнѣ Славянкѣ тысячъ до 7-ми разнаго скота. Крупный рогатый скотъ прекрасный—помѣсь туземной породы съ черноморскою. Замѣчательны также бараны, такъ называемые у нихъ *шпанки*, вѣроятно, дѣйствительно испанской или южно-французской породъ; шерсть отъ этихъ барановъ продается по 8 и 9 р. за пудъ, тогда какъ окрестные туземцы продаютъ этотъ товаръ отъ своихъ барановъ по 3, по 4 и много по 5 р. за пудъ *).

---

*) Теперь эти цѣны выше.

Какъ видно, духоборцамъ жить можно, одно не хорошо—сосѣди. Объ нихъ, т.-е. о татарахъ и армянахъ, духоборцы отзываются очень дурно: только та и разница между ними, что татаринъ смотритъ, какъ бы ограбить да убить, а армянинъ не пропуститъ случая обсчитать да надуть. О грабежахъ и убійствахъ не переслушаешь всѣхъ разсказовъ.

«Только съ пріѣздомъ *новаго*» (т.-е. новаго уѣзднаго начальника), говорятъ они, «стали мы жить какъ слѣдуетъ, а то просто въ раззоръ разорили татары. Грабили среди бѣлаго дня: схватятъ тебя, завяжутъ руки назадъ да кинжалъ надъ горломъ и держатъ, а другіе въ то время уводятъ лошадей. Управы и не ищи: таскаютъ тебя къ суду въ самую рабочую пору, когда т.-е. день стоитъ рубля серебромъ. Вытребуютъ такъ-то въ городъ да и то за тѣмъ, что вотъ, молъ, по твоему дѣлу воры не отысканы—такъ подпишись, братецъ, подъ этой бумагой, что удовлетворенъ,—и дѣлу конецъ. Ѣдешь куда-нибудь, такъ и не знаютъ, ждать тебя назадъ или нѣтъ; а пріѣдешь, хоть не издалечка, такъ и говорятъ: слава Тебѣ, Господи! Ночь пройдетъ спокойно, воровства на деревнѣ не было — всѣ Бога благодарятъ, ну, авось и завтра какъ - нибудь проживемъ».

Молокане.

Въ Закавказьѣ очень много молоканъ; живутъ они всѣ хорошо, зажиточно, но только не такъ согласно, какъ духоборцы. Между молоканами много раздоровъ: недовольные почему-либо старыми порядками выдумываютъ новые, отдѣляются и увлекаютъ за собой цѣлыя партіи; отдѣлившееся такимъ образомъ общество начинаетъ собираться подъ руководствомъ новаго наставника и уже въ отдѣльномъ домѣ. Такимъ образомъ, сначала незамѣтно, потомъ все въ большихъ размѣрахъ разрастаются несогласія и превращаются, наконецъ, въ открытую злобу. Такъ-то и вышло, что *секта духовъ*, какъ молоканы называютъ себя, раздѣлилась еще на нѣсколько обществъ: во-первыхъ, *чистые* молокане,—наиболѣе благоразумные въ отправленіи своихъ обрядовъ. Они признаютъ Ветхій и Новый Завѣты, читаютъ и поютъ Давидовы псалмы, которые, какъ и личность самого псалмопѣвца, пользуются большимъ уваженіемъ у

молоканъ всѣхъ толковъ. Нѣкоторые ветхозавѣтные праздники справляются наравнѣ съ общеустановленными въ православной церкви.

Пресвитеръ молоканъ.

По поводу почитанія этихъ библейскихъ праздниковъ не всѣ чистые молокане согласны между со-

бою; есть общества, желающія, по примѣру субботниковъ, наблюдать *всѣ*, такъ что образовалась партія, занимающая среднее положеніе между чистыми молоканами и субботниками, или жидовствующими. Они, впрочемъ, немногочисленны, и отдѣльными поселеніями мнѣ не случалось ихъ встрѣчать.

Разногласятъ также и по другимъ второстепеннымъ предметамъ: такъ, нѣкоторые находятъ соблазнъ въ обычаѣ *общественнаго цѣлованія*, соблюдаемаго молоканами при всѣхъ молитвахъ—новый раздоръ и отдѣленіе. Важнѣе—несогласія *чистыхъ* съ *прыгунами;* эти послѣдніе понимаютъ догматъ ниспосыланія вѣрующимъ Св. Духа въ самомъ крайнемъ смыслѣ: они учатъ, что это сошествіе Св. Духа проявляется настолько видимо, что въ состояніи заставить молящихся приходить въ восторгъ, т.-е. попросту бѣсноваться и даже говорить разными языками. Поэтому, богослуженія прыгуновъ, въ особенности вечернія или, вѣрнѣе сказать, ночныя, такъ какъ они продолжаются далеко за полночь—чистый соблазнъ, а подчасъ и смѣхъ для всѣхъ, не принадлежащихъ къ ихъ толку. «Народъ, вѣдь, не разбираетъ да и насъ приплетаетъ къ ихъ содомству», говорятъ чистые и крѣпко негодуютъ на нововводителей; такъ негодуютъ, что одинъ ни за что не ступитъ ногой въ собраніе другихъ—чтобы не оскверниться. Не менѣе прыганья послужило поводомъ къ

раздору и введеніе прыгунами *новыхъ пѣсенъ*, составляемыхъ ихъ современными пророками и псалмопѣвцами. Пѣсни эти поются на новый ладъ и, обыкновенно, предшествуя прыганью, своимъ веселымъ, все болѣе и болѣе учащающимся напѣвомъ подготовляютъ и располагаютъ къ бѣснованію.

Въ свою очередь, и прыгуны раздѣлились: часть ихъ, опираясь на свидѣтельства ветхозавѣтныхъ писателей и на примѣры многихъ древнихъ патріарховъ и царей—допускаетъ многоженство. Эти нововводители покамѣстъ не многочисленны, и пропаганда ихъ ведется осторожно.

Подозрѣвая во мнѣ офиціозное лицо, эти люди или, лучше сказать, вожаки ихъ, просили представить начальству составленную ими добавку къ обыкновенному и извѣстному ученію прыгуновъ. Разумѣется, я долженъ былъ отказать въ этомъ, но, тѣмъ не менѣе, добылъ себѣ копію съ этого *добавленія*.

Сколько я могъ замѣтить, личныя неудовольствія и разныя домогательства наставниковъ и руководителей играютъ главную роль во всѣхъ этихъ несогласіяхъ. Масса, сравнительно далеко менѣе начитанная и развитая, легко поддается на всякое нововведеніе, льстящее тѣмъ или другимъ страстямъ и прихотямъ: такъ, въ прыгуны и многожены валитъ больше народъ молодой, который не прочь попля-

сать и попѣть подъ веселый напѣвъ, да и отъ нѣсколькихъ женъ не откажется.

Надобно замѣтить, что многожены, кромѣ своихъ полигамическихъ наклонностей, почти сходятся въ остальномъ съ прыгунами; такъ что для большей ясности можно раздѣлить все общество молоканъ собственно на двѣ главныя группы: *чистыхъ* (или общихъ) и *прыгуновъ*.

Скажу прежде нѣсколько словъ о первыхъ.

Позднимъ вечеромъ, въ одну субботу, вхожу я въ избу ихъ собраній. Изба простая, русская, и вся заставлена скамьями: народу немного; моленія еще не началось: толстый пожилой мужикъ, съ обрюзглой физіономіей (пресвитеръ, какъ я послѣ узналъ *), сказалъ мнѣ: «милости просимъ, батюшка, садитесь поближе, побесѣдуемъ». Пока я перекидывался съ близъ сидѣвшими обычными пожеланіями здоровья началъ собираться народъ, сдѣлалось жарко, душно; извѣстно, народъ рабочій...

Пресвитеръ, т.-е. наставникъ или руководитель, сидитъ на почетномъ мѣстѣ, въ переднемъ углу, подъ кіотомъ, задернутымъ занавѣскою. За отсутствіемъ образовъ у молоканъ въ этихъ кіотахъ хранятся священныя книги и другія вещи, бумаги, чернильница, счеты, подсвѣчники и прочая канцеляр-

---

*) Смотри стр. 23.

ско-хозяйственная рухлядь. На время моленій книги выкладываются на небольшой, покрытый чистою бѣ-

Молоканка.

лой скатертью столъ, поставленный, по русскому обыкновенію, въ этомъ же переднемъ углу. Рядомъ

съ пресвитеромъ сидитъ его помощникъ или и нѣсколько ихъ. Около этихъ руководителей и по скамьямъ кругомъ стола садится народъ попочтеннѣе—молодежь подальше, вглубь избы. Женщины также не очень суются впередъ и все больше пристраиваются у дверей и къ уголкамъ.

— Отчего это у васъ женщины сидятъ позади мужчинъ?—спрашивалъ я послѣ въ разговорѣ.

— А чиномъ онѣ пониже, батюшка, такъ и сидятъ позади,—отвѣчало нѣсколько голосовъ, и тотчасъ же привели мнѣ, въ подтвержденіе этихъ словъ, нѣсколько текстовъ...

Пока моленіе не началось, разговоры идутъ о посторонних предметахъ, и, несмотря на страшную жару и духоту въ избѣ, большая часть сидитъ въ полушубкахъ.

Но вотъ пресвитеръ возвышаетъ голосъ: «Ну, чего бы намъ нынче читать... Не гораздъ я и прежде былъ читать-то, а теперь и глаза плохи стали. Читай, братъ, Иванъ Власьичъ».—«Нѣтъ, Яковъ Никифорычъ, гдѣ намъ до васъ, читайте ужъ вы».—«Да то-то, вишь, глаза-то плохи стали; ну да, пожалуй... Давай, вотъ, что ли, изъ апостола Іоанна». Словомъ, послѣ маленькаго жеманства, необходимаго ради скромности передъ заѣзжимъ бариномъ, напялилъ на носъ очки и началъ читать одно изъ посланій Іоанна, останавливаясь на каждой фразѣ для толкованія. Объясненія были часто очень произволь-

ныя, а иногда неправильныя; напротивъ, были и такія, которыя отличались здравымъ смысломъ и практичностью: «Вотъ видишь, братцы, что апостолъ-то приказываетъ не ссориться. А у насъ, вонъ, третьева дня ребята-то на покосѣ повздорили да и до засѣдателя дошли; вотъ ужъ этого-то апостолъ и не велитъ. Случаемъ, какъ ежели до спора дойло, и ступай къ старичкамъ, они разсудятъ и помирятъ, и поцѣловаться заставятъ—и дѣлу конецъ; а то, ишь ты, что вздумали, засѣдателя безпокоить, тутъ грѣхъ одинъ; такъ-то вотъ... Ну, давай дальше»... и т. д. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ читающій, видимо, самъ не понималъ смысла фразы, онъ ловко обходилъ толкованіе въ такомъ родѣ: «Да, ну это тоже апостолъ не приказываетъ» или «и это надо помнить, не забывать».

По поводу словъ апостола о будущемъ царствіи небесномъ пресвитеръ толковалъ, что «когда наступитъ оно—этого никто не знаетъ, такъ что, можетъ быть, и внуки наши еще не доживутъ до второго пришествія Христова» очевидно близпсть этого пришествія какъ и страшнаго суда крѣпко держится въ умахъ.

Окончивъ, такимъ образомъ, главу изъ апостола, пресвитеръ сказалъ народу: «Ну, теперь спойте что-нибудь, ребята». Тутъ собраніе, видимо, оживилось. Одинъ изъ помощниковъ пресвитера открылъ псалтырь и, посовѣтовавшись съ сосѣдями насчетъ выбора предмета для пѣнія, громко произнесъ первую

фразу котораго-то псалма. Запѣвало, а за нимъ и вся толпа начали *выпѣвать* ее подъ общій тонъ нашихъ простонародныхъ пѣсенъ, только еще болѣе заунывно. Такъ слѣдовала фраза за фразою: пресвитеръ выговариваетъ стихъ, остальные подхватываютъ его и тянутъ однообразно, долго, долго... Поютъ молокане очень громко, бабы визжатъ такъ, что пѣнье раздается съ одного конца деревни до другого; бывало, вечеромъ, въ субботу, когда затянутъ въ нѣсколькихъ собраніяхъ, ничѣмъ нельзя заниматься: и двери, и окна закроешь—нѣтъ, раздается вой, будто подъ самыми окнами. Послѣ пѣнья постлали на полъ небольшой коврикъ и, ставъ вокругъ него, начали читать молитвы и стоя, и съ колѣнопреклоненіемъ;—пресвитеръ громко, остальные нашептывали вслѣдъ за нимъ. Потомъ опять сѣли по лавкамъ и запѣли; затѣмъ размѣстились кругомъ всей избы—начался обрядъ цѣлованія: кромѣ пресвитера, который никому не кланялся, а только первый принималъ лобызанія другихъ, каждый, Иванъ или Петръ, напримѣръ, обходилъ всѣхъ, каждому три раза кланялся въ ноги и два раза цѣловался съ каждымъ. У духоборцевъ мужчины цѣлуются только съ мужчинами, а женщины—съ однѣми женщинами; у молоканъ не такъ: здѣсь мужики и бабы всѣ перецѣлуются между собою, съ тѣмъ только правиломъ, что мужчины, вѣроятно, какъ высшіе чиномъ, испол-

няютъ это первые. Во все время церемоніи поклоновъ и цѣлованія пѣніе продолжается; по окончаніи ея опять молитва, потомъ опять пѣніе, наконецъ, заключительная молитва и—конецъ. Тутъ пресвитеръ обыкновенно приглашаетъ собраніе приходить тогда-то: «завтра, братцы, около полудня собирайтесь опять, помолимся Господу Богу». При разборѣ шапокъ я слышалъ такія книжныя выраженія: «а гдѣ-то моя *риза ветхая* или *риза свѣтлая*»—дѣло шло объ отысканіи своего кафтанишка въ общей грудѣ снятаго верхняго платья. Припоминаю одно обыкновеніе, очень деликатное, о которомъ забылъ упомянуть: во время богослуженія запоздавшіе входятъ не поодиночкѣ, а группами, собираясь предварительно за дверями; они входятъ въ избу въ одинъ изъ промежутковъ между пѣніемъ или чтеніемъ, останавливаются у дверей и читаютъ про себя молитву; всѣ присутствующіе встаютъ со своихъ мѣстъ и также тихо произносятъ молитву. Затѣмъ обоюдный низкій поклонъ, и богослуженіе продолжается.

Во время чтенія и толкованій писанія пресвитеромъ, помощники его дѣлаютъ добавленія и поясненія, а слушатели, въ случаѣ непониманія чего-либо, свободны переспрашивать.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о крещеніи, я спросилъ: почему вы, молокане, не креститесь водою? вѣдь Христосъ показалъ на себѣ примѣръ этому и самъ такъ крестился?

— Христосъ-то точно что такъ крестился, да это только для порядка; а въ писаніи-то, батюшка, что сказано? Іоаннъ Креститель говоритъ: «я крещу васъ водою, а грядетъ по мнѣ, Которому я недостоинъ развязать ремня у сапога,—Тотъ будетъ крестить водою и огнемъ»; такъ если теперь принять крещеніе водою, надобно принять и крещеніе огнемъ,—а это что же будетъ-то?.. Можно замѣтить изъ выбора псалмовъ и текстовъ для поученій, что молокане даютъ большую силу тому догмату христіанства, что Господь милосердъ безконечно и что нѣтъ того прегрѣшенія, словомъ, дѣломъ или мыслію содѣланнаго, которое не могло бы быть заглажено покаяніемъ. Они идутъ даже дальше и говорятъ: «Не согрѣшишь, такъ и не покаешься, а не покаешься—не получишь св. Духа и не спасешься». Этотъ вожделѣнный св. Духъ только и сходитъ на человѣка въ моментъ покаянія; у чистыхъ молоканъ общеніе съ нимъ человѣка почти не сказывается видимо, развѣ только повздыхаетъ счастливецъ, а то и всплакнетъ, когда почувствуетъ отъ молитвы облегченіе въ земныхъ скорбяхъ.

У прыгуновъ не такъ. У этихъ покаявшійся и чувствующій въ себѣ духа считаетъ долгомъ высказать восторженное состояніе своей души: начинаетъ его сначала подергивать и шатать, какъ пьянаго; потомъ всѣ топаютъ, скачутъ, вертятся, прыгаютъ на

лавки, даже на столъ; а то схватятся за столъ, налягутъ на него да и таскаютъ по хатѣ—и мужчины и женщины — женки бѣсятся еще больше мужчинъ. Азартъ этотъ, пожалуй, будетъ понятенъ, если принять во вниманіе, что прыгуны большею частью народъ молодой, которому тяжелы пуританскія правила секты, запрещающія всякій намекъ на свѣтское веселье: пѣнье, пляску и т. п. Такъ или иначе они наквитываютъ это лишеніе и, какъ видно, съ лихвою; къ тому же, надобно знать, что молятся молоканы очень долго; бдѣнія ихъ продолжаются по четыре, по пяти и болѣе часовъ сряду, и это въ жаркой душной избѣ, въ глухую ночь, послѣ тяжелаго трудоваго дня—тутъ не трудно не только временно забыться, но и совсѣмъ сойти съ ума.

Прихожу я на *бдѣніе прыгуновъ*; время было уже за полночь. Въ избѣ жара—что въ банѣ, и почти темно: горитъ одна заплывшая свѣча. Весь народъ, тѣсно сжавшись одинъ подлѣ другого, лежитъ на полу ничкомъ, только пресвитеръ стоитъ, скрестивъ руки и опустивъ голову на грудь, тихо читаетъ молитвы. Торжественно и явственно раздаются его слова: «Господи, помилуй, Господи, помилуй, слава Отцу и Сыну и Св. Духу»... За тѣснотою нѣкоторые изъ молящихся стоятъ по лавкамъ, изнеможенно облокотясь на стѣну, съ растянутыми по стѣнѣ руками и поднятою кверху головою... Одинъ, на лавкѣ же стоя, уткнулъ лицо въ

уголъ—и плачетъ тихо, горько заливается... Время отъ времени изъ середины молящихся раздаются громкіе тяжелые вздохи и явственно произносятся слова: «О, Господи! за что наказуешь, Господи! за что они бьютъ-то меня! сами-то не знаютъ... О! о! у! у! у!»... Въ другомъ мѣстѣ кто-то громко зарыдалъ и долго, долго потомъ всхлипывалъ... Вдругъ одинъ изъ лежавшихъ на полу вскакиваетъ, поднимаетъ руки и голову кверху и такъ остается, какъ прикованный — это онъ покаялся и объявляетъ о своей готовности *летѣть на Сіонъ* — недостаетъ только крыльевъ. Болѣе часу продолжалось при мнѣ такое бдѣніе; потомъ всѣ какъ-то разомъ поднялись и запѣли *новыя пѣсни*, сначала довольно тихо, но далѣе, съ учащеніемъ напѣва, все съ бо̀льшими и бо̀льшими движеніями тѣла... Вижу, одинъ парень, до сихъ поръ стоявшій смирно, вдругъ бѣшено топнулъ ногой, встряхнулъ волосами и началъ качаться изъ стороны въ сторону. Я думалъ онъ упадетъ, но дѣтина мой не только не упалъ, но еще началъ выкидывать ногами и всѣмъ тѣломъ разные фокусы. Скоро все собраніе заходило — стонъ пошелъ по хатѣ: скаканье, топанье, взвизгиванья бабъ, руками всѣ размахиваютъ, лица пресвирѣпыя. Я сжался въ уголокъ, просто страшно сдѣлалось, кажется, вотъ, вотъ сейчасъ пришибутъ... Наконецъ, какой-то, расходившійся, какъ говорится, до чортиковъ, сшибъ

кулакомъ свѣчу со стола, въ избѣ сдѣлалось темно... впрочемъ, огонь появился тотчасъ же.

Какъ особенно сильный аргументъ въ защиту *восторговъ* при молитвѣ, приводится молоканами примѣръ пророка Давида, пѣвшаго, плясавшаго и игравшаго на гусляхъ передъ ковчегомъ завѣта... Въ деревнѣ *Новой Саратовкѣ*, гдѣ я также останавливался, желаніе болѣе точнаго подражанія любимому пророку привело прыгуновъ къ мысли раздобыться и гуслями, но такъ какъ гуслей достать не могли, то замѣнили ихъ барабаномъ и, такимъ образомъ, славили Бога «въ пѣсняхъ и тимпанахъ», такъ какъ послѣднее слово по выговору подходитъ къ барабану. Въ бытность мою въ Саратовкѣ барабанъ этотъ уже не существовалъ; онъ произвелъ такой соблазнъ, что даже сами сторонники этого нововведенія рѣшились его уничтожить во избѣжаніе раздора и раздѣленія.

Какъ я уже говорилъ выше, у прыгуновъ есть избранники, которые, находясь *подъ духомъ*, говорятъ разными языками. Мнѣ не случалось слышать такихъ вдохновенныхъ рѣчей, но говорили другіе, слышавшіе, что бормочется въ этихъ случаяхъ страшная чепуха, — иного, разумѣется, и нельзя ожидать отъ людей едва грамотныхъ.

— Да какъ же вы можете повѣрять ихъ,—спрашиваю я:—вѣдь у васъ, кромѣ какъ по-татарски да

по-армянски, не говорятъ ни на какихъ языкахъ; можетъ, они вамъ говорятъ просто какую-нибудь чушь?

— Точно, что мы не говоримъ, но только если духъ кого умудритъ, такъ тотъ можетъ, потому это сходитъ на него отъ Бога.

Замѣчательно толкованіе, по которому языкознатели эти будутъ нужны имъ со временемъ, когда устроится *сіонское царство* изъ разныхъ народовъ, и гдѣ молокане будутъ первыми избранниками. Что это будетъ за царство — они видимо не понимаютъ и не разъясняютъ себѣ, но идея о немъ крѣпко вкоренилась въ умы. Одинъ *пророкъ* *), или вождь прыгуновъ (прехитрый мужикъ, знающій наизусть всѣ главныя мѣста ветхаго и новаго завѣта) объяснилъ мнѣ идею объ этомъ царствѣ слѣдующимъ образомъ:

«Сіонъ гора (Апокалипсисъ, 21 глава)—это вѣчный Сіонъ, но будетъ еще видимый Сіонъ (Апокалипсисъ, глава 20), царство, набранное изъ народа Божія, въ которомъ будетъ царствовать самъ Христосъ; мѣсто этого будущаго царства еще неизвѣстно,

*) *Пророкъ—вождь* или *чтецъ слова Божія*, главный блюститель „Божьяго стада". Общество прыгуновъ цѣлой деревней имѣетъ обыкновенно одного только пророка. За пророкомъ слѣдуетъ *пресвитеръ*, или наставникъ; у пресвитера, какъ сказано выше, есть помощники — кандидаты на это мѣсто послѣ смерти самого наставника.

но что оно будетъ — это вѣрно; вѣрно также и то, что въ него попадутъ только избранные. Вокругъ этого Сіона будетъ Новый Іерусалимъ—изъ всякаго народа, всѣхъ языковъ и племенъ».

По поводу этого Сіона разсказывали мнѣ такой случай: «Прихожу я,—говоритъ разсказывавшій,—вечеромъ во время богослуженія въ избу къ прыгунамъ и, между прочимъ, вижу, что въ темнотѣ на печкѣ что-то шевелится; разглядываю—оказывается, что это ворочается съ боку-на-бокъ мужикъ уже пожилой, весь голый и претолстый. Я, говоритъ, думалъ, что это какой-нибудь юродивый, но мнѣ объяснили, что «онъ *перится*».

— Какъ такъ перится?

— Ну, значитъ, ослободился отъ грѣха (покаялся) и проситъ у Бога крыльевъ на Сіонъ летѣть.

Когда я передалъ этотъ разсказъ нѣсколькимъ бесѣдовавшимъ со мною наставникамъ прыгуновъ, они смѣялись и повторяли обычную фразу, что это все по ненависти выдумываютъ на нихъ: «бываетъ, правда, что если кто чувствуетъ духа въ себѣ, такъ поднимаетъ руки кверху, какъ будто то-есть готовится переселиться отъ міра и грѣха, куда Господь прикажетъ, а что догола — не раздѣваются». Эти поднятія рукъ я часто видѣлъ и только удивлялся, какъ они не устаютъ держать ихъ въ такомъ положеніи чуть не по цѣлому часу.